

В.А. Ачкасов

ДИЛЕММЫ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье констатируется, что миграционная политика России призвана, решить целый ряд сложных задач. Однако в решении этих задач российская власть сталкивается, по крайней мере, с двумя дилеммами:

С одной стороны, российские власти вынуждены привлекать из-за рубежа необходимую рабочую силу, с другой — как-то реагировать на рост анти-иммигрантских настроений в обществе.

С одной стороны, российские власти оставляют открытыми границы со многими странами СНГ, стимулируя тем самым трудовую иммиграцию, с другой, — ограничивают возможности легального проживания, трудоустройства и интеграции в российское общество иммигрантов, пытаясь тем самым компенсировать издержки их свободного перемещения через границы РФ.

Ключевые слова: *миграционная политика, ксенофобия, этнические сети, трудовые мигранты, нелегальная иммиграция, интолерантность.*

«К числу самых заметных и в конечном счете политических проблем Европы последних двух десятилетий принадлежат вопросы этничности, миграции и государственности. Эти тесно взаимосвязанные проблемы находятся в центре политических, культурных и социальных преобразований повсюду на континенте. В Восточной Европе их нередко понимают как взаимосвязанные звенья некоего порочного круга», — справедливо отмечает Р. Брубейкер¹. При этом сегодня уже очевидно, что миграционная политика России в рамках этого «порочного круга» призвана прежде всего решить три сложные задачи — экономическую, демографическую и социокультурную.

Во-первых, необходимо постоянно преодолевать дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, предприняв действенные меры по предотвращению «утечки мозгов» и осуществив переход от неуправляемой иммиграции к «замещающей».

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 266.

Во-вторых, нужно остановить процесс депопуляции в ряде регионов страны и в РФ в целом, поскольку по прогнозам к 2025 г. население страны сократится на 10 млн.

В-третьих, максимально облегчить интеграцию трудовых иммигрантов в новую для них институциональную экономическую и социокультурную среду.

Однако в решении этих задач российская власть сталкивается по крайней мере с двумя дилеммами.

С одной стороны, российские власти вынуждены привлекать из-за рубежа необходимую рабочую силу, с другой — как-то реагировать на рост антииммигрантских настроений в обществе.

С одной стороны, российские власти оставляют открытыми границы со многими странами СНГ, стимулируя тем самым трудовую иммиграцию, с другой, — ограничивают возможности легального проживания, трудоустройства и интеграции в российское общество иммигрантов, пытаясь тем самым компенсировать издержки их свободного перемещения через границы РФ.

В результате в России идет процесс этнизации и расиализации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности. «В последние двадцать лет <...> этничность превратилась в эффективный политический инструмент и важный социальный маркер. Не случайно не только происходит ослабление гражданской солидарности, но прослеживается очевидный рост ксенофобских настроений...»¹. По данным цитируемых В. Шнирельманом опросов общественного мнения, в 1995 г. около половины респондентов в России верили, что «национальность дана человеку от природы или Бога». Примерно те же результаты дали опросы 1998 г. В 2000-х годах, однако, доля сторонников биологического понимания этнической идентичности заметно выросла: в 2008 г. уже каждые двое из трех респондентов определяли русскость «по крови»². Таким образом, можно говорить о возрождении в России традиционного биологического расизма с его лозунгом «превосходства белой расы» и разнообразными

¹ *Шабаетов Ю., Садохин А.* Программа гражданской интеграции: формирование гражданского общества в полиэтнической России // Вестник российской нации. 2011. № 3. С. 20.

² *Шнирельман В.* «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 369.

фобиями («спасение белой расы», «геноцид русского народа», «замещение белого населения цветным» и т.д.).

Нельзя сказать, что проблема ксенофобии и роста насилия на этнической и расовой почве в отношении «видимых» мигрантов остается вне поля зрения государства. О том, что это не так, свидетельствует, скажем, рост числа осужденных за преступления подобного рода. Однако только репрессивные меры имеют малую эффективность, особенно в обществе, которое сочувствует этническому национализму. Обращает на себя внимание и тот факт, что иной раз ультра националисты получают моральную и иную поддержку и со стороны стражей порядка.

Поэтому в России в еще больших масштабах, чем на Западе, мигранты подвергаются дискриминации и занимают нижние ступени в социальной иерархии, тем самым постепенно превращая российское общество в общество, в котором социальные низы образуют изолированные этнические меньшинства. Уже сегодня формирование «параллельных обществ» — реальная опасность не только для западноевропейских демократий. Поэтому если российское государство действительно стремится к интеграции мигрантов и не собирается мириться с их геттозацией, то оно должно обеспечить реальное, а не только формальное равенство возможностей. Действия же по обеспечению такого рода равенства должны обеспечить защиту и социальных, и культурных прав мигрантов.

Пока же правовые акты, определяющие статус мигранта (закон о гражданстве Российской Федерации, закон о правовом положении иностранных граждан, институт регистрации (прописки) и др.), не способствуют, а скорее препятствуют решению этой проблемы. Так, по мнению большинства экспертов и правозащитников, новые редакции закона о гражданстве Российской Федерации (2003 г.) и закона о правовом положении иностранных граждан (2006 г.) закрывают и без того минимальные возможности интеграции в российское общество иммигрантов. Таким образом, мероприятия, осуществляемые российскими властями по отношению к мигрантам, ограничивая возможности их мобильности и сужая вероятность их социализации, не способствуют, а препятствуют их интеграции в принимающее общество, что приводит к их самоизоляции, а значит, и консолидации по признаку общности происхождения, религии путем создания неформальных «этнических сетей». Тем не менее в предвыборной статье В. Путина «Россия: национальный вопрос» было заявлено, что повышение качества иммиграционной политики будет осуществляться путем очередного ужесточения правил регистрации

и ответственности за нарушение миграционных правил, при этом границы с государствами СНГ по-прежнему остаются открытыми¹. То же повторено и в новой «Стратегии национальной политики России до 2025 года».

Двусмысленность государственной позиции в отношении проблем миграции проявляется и в том, что российское правительство так и не достигло давно заявленной цели — заключения реально действующих взаимных договоренностей в сфере миграции со странами СНГ. Главный региональный документ «Соглашение о кооперации в области миграции и социальной защиты работников-мигрантов», подписанный еще в 1994 г. всеми странами СНГ, так и не вступил в силу, поскольку не был дополнен серией межгосударственных соглашений. Большинство документов, прежде всего двухсторонних, которые были все-таки приняты (к настоящему времени Россия имеет отдельные двухсторонние договоры с девятью странами СНГ и двумя странами Балтии — Латвией и Литвой), фактически осталось на бумаге. Поэтому правовая база легальной трудовой иммиграции между странами СНГ не получила сколько-нибудь заметного развития.

Что касается незаконной миграции, то здесь основным документом является «Соглашение о кооперации по борьбе с нелегальной иммиграцией», подписанное в марте 1998 г. Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизстаном, Молдовой, Россией, Таджикистаном и Украиной и предусматривающее осуществление взаимодействия в борьбе с незаконной миграцией по целому ряду направлений. Однако в этом соглашении оказался не прописанным механизм его реализации, в частности не определено, за счет каких финансовых средств будет осуществляться депортация незаконно въехавших и проживающих на территории стран-участниц соглашения мигрантов... «Хотя цель межгосударственных соглашений между Россией и странами СНГ состояла прежде всего в том, чтобы перенаправить миграционные потоки в официальное русло, на практике эффективность этих соглашений оказалась очень невысокой», — констатирует социолог Н.Т. Вишневская².

Еще в 1993 г. девятью странами СНГ принято и подписано «Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Этим

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

² Вишневская Н.Т. Миграция в постсоветской России // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 360–361.

соглашением были определены понятия «беженец» и «вынужденный мигрант», порядок компенсации потерь и обустройства в местах вселения. В соответствии с этим соглашением 10 февраля 1995 г. шесть государств: Армения, Беларусь, Казахстан, Россия и Таджикистан — подписали решение о создании «Межгосударственного фонда помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Однако принятые международные акты не работают. За первые пять лет в Межгосударственный фонд помощи не поступило от стран-участниц ни копейки. Все попытки сдвинуть вопрос с мертвой точки не увенчались успехом.

В результате, «государства-члены СНГ... не имеют сколько-нибудь согласованной политики в области регулирования миграционных процессов. Проводимая государствами миграционная политика не обеспечивает свободного перемещения рабочей силы в рамках экономического союза. Сложившиеся направления и характер миграции не способствуют улучшению занятости, более полному использованию трудового потенциала стран СНГ, приводят к огромным потерям для общества и мигрантов. Не решается проблема беженцев и вынужденных переселенцев. Нелегальную миграцию сопровождают нередко такие негативные явления, как торговля оружием и наркотиками. Отсутствие согласованной политики в сфере миграции и социальной защиты мигрантов становится тормозом в создании общего рынка труда и, в конечном счете, в развитии интеграционных процессов стран СНГ»¹. Особенно острыми стали эти проблемы в условиях нынешнего глобального экономического кризиса, серьезно затронувшего все страны СНГ.

«Современное государство является важным “идентификатором” <...>, у него имеются материальные и символические ресурсы, чтобы навязывать категории, классификационные схемы и способы социологического учета» — отмечают Р. Брубейкер и Ф. Купер². Так, нынешний российский институт регистрации — это не более чем эвфемизм знаменитой «советской прописки», поскольку также носит не уведомительный, а разрешительный характер. Именно поэтому данная практи-

¹ *Топилин А.* Есть ли согласованная миграционная политика в странах СНГ? // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Центр изучения проблем вынужд. миграции в СНГ, 1999. С. 56–57.

² *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // *Ab Imperio*. Казань, 2002. № 3. С. 86.

ка открывает простор чиновничьему произволу и выступает мощным источником коррупции, пронизывающей российские государственные структуры снизу доверху — от рядового полицейского до чиновников, выдающих свидетельства о регистрации и перерегистрации. В результате полицейские и чиновники ФМС выступают не стражами закона, а гарантами «невидимости» иммигрантов для закона, получая с нелегалов «стабильный доход».

Важной составляющей такого рода произвола и источником коррупции «...является практика, называемая в международной литературе “этническим профилированием” (ethnic profiling). Речь идет об отсутствующих *de jure*, но активно применяемых *de facto* этнических критериях при решении вопросов о разрешении на пребывание в том или ином месте. Первоочередными жертвами такой практики становятся сезонные рабочие и переселенцы из Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Украины, а также российские граждане из республик Северного Кавказа.

Этническое профилирование отчетливо просматривается в том, как власти относятся к мигрантам их южных областей России, ищущим счастья в больших городах Центрального и Северо-Западного регионов. Согласно федеральному законодательству гражданам Российской Федерации гарантируются свобода передвижения и свобода места жительства, но фактически эти свободы не распространяются на российских граждан «неславянской» наружности. Для милиционеров, работников паспортных столов и работодателей они такие же «черные», как и граждане государств Таджикистана или Азербайджана (по данным правозащитника, председателя комитета «За гражданские права» А. Бабушкина, в среднем в год сотрудники правоохранительных органов проверяют 22,5 млн паспортов, за отсутствие регистрации грозит штраф — от 1,5 до 2,5 тыс. руб. — нетрудно подсчитать тот скромный «доход», который получают от этой деятельности российские милиционеры, ныне полицейские). «...Действие института регистрации/прописки загоняет мигрантов в неразмыкаемый круг: для того чтобы получить легальный статус (регистрацию), необходимо наличие места жительства (например, официально снимаемой квартиры), но, для того чтобы получить место жительства, необходимо наличие легального статуса (регистрации)».¹ Бытовой национализм русских — жителей

¹ Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 114–116.

больших городов, неприязненное отношение к мигрантам с Юга, система незаконных поборов и вымогательства, сложившаяся в органах государственной власти, призванных регулировать и оптимизировать миграционные потоки вызывают ответное недовольство в среде этнодисперсных групп и иммигрантов, повышая опасность возникновения межэтнических конфликтов.

В целом в России сегодня действует более 230 нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы миграции, в том числе 57 федеральных законов, регулярно принимаются и пересматриваются федеральные миграционные программы с комплексом мер по упорядочению всех форм миграции с учетом интересов экономического развития страны. Однако единая, четкая и непротиворечивая система воздействия на миграционные процессы пока не сформирована. Программы во многом декларативны, выполняются плохо, права трудовых мигрантов постоянно нарушаются, программы недостаточно финансируются.

Кроме того, миграционная политика РФ не имеет четких концептуальных оснований и достоверной фактологической и статистической базы. Так, в настоящее время в России действует девять систем сбора статистических данных о миграции. Причем доступные данные отличаются невысоким качеством, а большая часть информации по-прежнему остается закрытой¹. В результате эта политика весьма эклектична, сочетая зачастую различные, иногда противоположные подходы к решению целого ряда серьезных проблем.

Так, в октябре 2007 г. была утверждена «Концепция демографического развития РФ до 2025 года», в которой содержатся цели, задачи и ориентиры государственной миграционной политики и много говорится о значении иммиграции для улучшения демографической и социально-экономической ситуации в стране. Но при этом в ней отсутствуют точные сведения по поводу того, какое количество иммигрантов требуется для экономики России и восполнения убыли населения страны, каков должен быть их профессиональный и демографический статус и т.д. Так, в «Концепции» на первом этапе ее реализации (2007–2010 гг.) цифровые ориентиры вообще отсутствуют. В то же время

¹ Чудиновских О.С., Донец Е.В. Современные источники статистических данных о мигрантах // Демографические исследования: теоретические и прикладные аспекты. Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения 2004–2004 гг.». М.: Изд-во Московского университета, 2006. С. 116.

ставится задача создания условий, позволяющих уменьшить остроту демографического кризиса. В результате реализации мероприятий первого этапа предполагается снизить темпы естественной убыли населения и обеспечить миграционный прирост.

Первые цифровые показатели по миграции появляются в тексте «Концепции демографического развития РФ» при оценке реализации второго этапа (2011–2015 гг.), когда предполагается уменьшить отток квалифицированных специалистов, увеличить объемы привлечения на постоянное место жительства в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи (не очень понятно, почему эти задачи будут решаться только в будущем, несмотря на их актуальность «еще вчера», напомним, что государственная программа привлечения соотечественников появилась по инициативе Президента РФ уже в 2006 г.). В этой связи ставится задача обеспечить на этой основе миграционный прирост на уровне 200 тысяч человек ежегодно¹. Для сравнения: миграционная квота, утвержденная для Санкт-Петербурга на 2010 г., — 210 тыс. человек.

В результате реализации мероприятий «Концепции РФ» по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране на третьем этапе (2016–2025 гг.) предполагается обеспечить миграционный прирост на уровне 300 тысяч человек, и эта цифра никак не обоснована². Реально речь должна, видимо, идти о гораздо больших цифрах (примерно 0,5–1 млн человек в год), поскольку объемы иммиграции, компенсирующей естественную убыль населения, задаются размерами этой убыли, а она, по реальным прогнозам, не сможет перекрываться приростом в 200 или 300 тыс. человек в год. Кроме того, миграционный прирост должен компенсировать и эмиграцию, которую также нельзя совсем сбрасывать со счетов», — отмечает известный социолог и демограф А.Г. Вишневский³.

Не лучше ситуация с перспективным планированием миграционных потоков и на региональном уровне.

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2007. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 91.

Снижает эффективность российской миграционной политики не только непрофессионализм и декларативность государственных программ, высокая коррумпированность чиновников и правоохранительных органов, недостатки правовой базы, ее регламентирующей, и невысокая степень законопослушания граждан на всех уровнях, но и то, что к миграционным проблемам имеет отношение и «работает с мигрантами» сразу несколько государственных ведомств — это помимо Федеральной миграционной службы (ФМС РФ) еще и МВД, ФСБ, МИД, Минздравсоцразвитие, Минэкономразвития, Минрегион и др. В то же время каждое ведомство по своему «видит» цели и способы реализации миграционной политики страны:

— еще недавно в ФМС считали, что необходимо квотировать миграционный поток, причем по гражданству, и ссылаются на опыт США. По словам заместителя директора ФМС В. Поставнина, «то, что никак не квотируется ближе зарубежье, за исключением Туркмении и Грузии, с которыми у нас действует визовый режим, является одним из несовершенств этого закона» (речь идет о законе РФ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства» 2006 г. — В.А.);

— Минздравсоцразвитие предлагает вводить квоты на иностранных рабочих по отраслям, уровню квалификации и состоянию здоровья и ссылается на позитивный (с точки зрения руководителей министерства) советский опыт лимитирования, существовавший в крупных городах СССР;

— более продвинутую балльную систему привлечения трудовых иммигрантов, применяемую на практике в Канаде, предлагает ввести Минэкономразвития. Такая система должна учитывать возраст (не старше 50 лет), уровень профессионализма, а также способность адаптироваться к условиям страны и знание русского языка. По словам заместителя министра А. Шаронова, в такую систему отбора «может быть встроен перечень профессий», наиболее востребованных в России. При этом квотирование должно распространяться только на неквалифицированных и малоквалифицированных мигрантов, а высококвалифицированные работники должны привлекаться на постоянной основе, без дополнительных ограничений и т.д.¹;

¹ См.: *Волосенкова Е.В.* Миграционная политика в современной России: вызовы и ответы XXI в. // Регионалистика и этнополитология / Редкол.: Р.Ф. Туровский (отв. ред.) и др. М.: Российская ассоциация политической

— осенью 2011 г. ФМС уже предлагает отменить квоты на иммиграцию и ввести балльную систему. Определенное число баллов будет начисляться иммигрантам: в зависимости от возраста, уровня образования, наличия специальности и опыта работы, знания русского языка, наличия родственников и жилья в России и т.д. Иммигрантам, набравшим 75 баллов, будет сразу предоставляться вид на жительство, которого сегодня они вынуждены добиваться в течение нескольких лет. Однако возникает резонный и простой вопрос: где взять иммигрантов, соответствующих вышеуказанным параметрам. Поскольку для таких трудовых мигрантов есть страны более привлекательные, чем Россия.

В целом же руководитель ФМС К. Ромодановский вынужден признать, что «координации в реализации единой политики в этом направлении не существовало»¹.

Поэтому, для того чтобы преодолеть бюрократические барьеры, мигрантам приходится проявлять чудеса изворотливости и вступать в неправовые отношения с множеством посредников. По некоторым данным, сегодня в России на каждого легального мигранта приходится четыре нелегальных, а за их спиной еще целая цепочка «посредников», которые делают на них свой немалый бизнес.

Как показывает опыт, разного рода запретительные меры не только не решают проблем, ради которых они осуществляются, но и порождают новые: во-первых, «посредники» и члены этнических криминальных группировок легко обходят препятствия, воздвигаемые системой квотирования иммиграции и разрешительной регистрации, подкупая должностных лиц, тем самым поощряя коррупцию и «привязывая» новых мигрантов к «этническим сетям» криминального и полукриминального характера; во-вторых, в результате в крупных городах России проживает «вне закона» значительная масса населения, что уже сказывается на санитарно-эпидемиологической, криминогенной и психологической обстановке и ведет к еще большему отчуждению принимающего общества и мигрантов.

науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 286–288.

¹ См.: Не рабская сила. Интервью руководителя миграционного ведомства К. Ромодановского // Российская газета. 2009. 16 июля.

Казалось бы, в новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной указом Президента РФ 12 мая 2009 г. (№ 537) наконец зафиксирована важность решения проблемы трудовой миграции, поскольку она соотнесена с проблемой обеспечения экономической безопасности России: «Для противодействия угрозам экономической безопасности силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на поддержку социально-экономической политики, направленной <...> на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов, исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах»¹. Для этого необходима серьезная трансформация институциональной, правовой, политической среды российского общества.

Однако, как справедливо замечают О.А. Сагайдачная и М.В. Дуцкий, в России «до сих пор нет стратегии видения миграции как положительного явления. Непонимание этой истины приводит к тому, что <...> миграция (как легальная, так и нелегальная) рассматриваются прежде всего как угроза национальной безопасности»². Поэтому происходят регулярные пересмотры курса миграционной политики и отсутствует отчетливая и непротиворечивая государственная стратегия в этой сфере. В этом смысле очень характерна судьба проекта новой «Концепции миграционной политики 2012–2025 гг.». Весной 2011 г. усилиями Федеральной миграционной службы и Высшей школы экономики была подготовлена «Новая концепция миграционной политики РФ на 2012–2025 гг.», которая предлагает «расширить возможности (иммигрантов) для переселения в Россию на постоянное жительство». Согласно про-

¹ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утверждена Указом Президента РФ 12 мая 2009 г. (№ 537) // Вестник Российской нации. 2009. № 3 (5). С. 240.

² Сагайдачная О.А., Дуцкий М.В. Иммиграционная политика России: социально-экономические и правовые аспекты // Иммигранты и этнические диаспоры в региональных политических процессах в Российской Федерации и в зарубежных странах: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2007. С. 155.

екту, Россия кардинально меняет отношение к мигрантам: квотирование отменяется, трудоустройство упрощается. «Сейчас квоты являются инструментом псевдорегулирования и все равно толком не действуют», — считает один из авторов новой концепции социолог Владимир Мукомель. Отмена этого крайне неэффективного механизма позволит иностранцу легко входить на российский рынок труда. Есть ли квоты, нет ли — они все равно работают, но при квотах быстрее превращаются в нелегала со всеми вытекающими последствиями¹. В то же время авторы концепции говорят о необходимости «качественного отбора приезжих», учитывая то обстоятельство, что сегодня в Россию все больше приезжает людей без образования, без профессии и все чаще без языка.

Однако когда приверженцы протекционистского подхода в правительстве стали противодействовать этим инициативам (так, представитель Минздравсоцразвития заявил, что квоты — это необходимый инструмент защиты национального рынка труда²), руководство страны не предприняло никаких действий, чтобы отстоять свою линию. Начавшаяся подготовка к парламентским и президентским выборам 2011–2012 гг. окончательно сняла с повестки дня вопрос о либеральной реформе.

Итак, осуществляемая правящей элитой иммиграционная политика не способна ни сдерживать иммиграцию, ни эффективно удовлетворять спрос на рабочую силу, ни способствовать интеграции мигрантов в принимающее общество. Более того, «создавая иллюзию контроля, правительство тем самым вытесняет значительную часть иммигрантов в неформальный сектор. В результате образуется многомиллионный “подкласс” населения, который существует в рамках иного общественного и политического пространства: на него не распространяются элементарные правовые гарантии, но и он, в свою очередь, не несет никаких обязательств перед принимающим обществом»³.

Поэтому если прежняя «миграционная политика» интеграции будет продолжена, то несложно предсказать, что сотни тысяч детей «гастар-

¹ Путин предложил повысить демографию за счет мигрантов // Сайт «News2». 31.03.2011. <<http://www.news2.ru/story/302178/>> (31.03.2011).

² См.: Минздравсоцразвития возражает против отмены квот на иностранную рабочую силу // Российская газета. 2011. 12 мая.

³ Троицкая О. Миграционная дилемма России // Pro et Contra. 2012. № 3 (55). Май-июнь. С. 51.

байтеров», родившихся или прошедших социализацию в «негостеприимной» России, не будут мириться с унижением и дискриминацией, которым подвергались и подвергаются их отцы, соглашавшиеся на любые условия труда и жизни. Второе поколение иммигрантов будет отвергать дискриминацию по этническим и расовым основаниям, этнофобии и ксенофобии «коренного» населения и будет активно протестовать против собственного низкого социального статуса. Как показывают социологические исследования, «чем выше уровень восприимчивой дискриминации, тем выраженнее этническая интолерантность»¹. Тем более что всегда найдутся политические лидеры, готовые сделать защиту этничности своей профессией. По резонному замечанию А. Малашенко, «ксенофобия одних по отношению к другим встречает ответную, зачастую более жесткую реакцию. Таким образом, ее рост приобретает черты геометрической прогрессии, что особенно заметно в условиях кризиса»². Опасны и чувства нетерпимости к русским, с которыми часть иммигрантов возвращается на свою родину, поскольку это может отозваться на положении в странах СНГ наших соотечественников. Поэтому если учитывать ту культурную дистанцию, которая объективно существует между русскими и иммигрантами из мусульманских регионов и стран, то обращение части из них к своим этническим истокам и конфессиональному фундаментализму практически неизбежно (особенно при условии, что российское государство не предпримет действенных мер по управлению миграциями и защите прав новых этнических меньшинств). Об этом, в частности, свидетельствуют события в пригородах французских городов осенью 2005 г. и крупных городах Великобритании летом 2012 г. Дистанция же от этнического и религиозного фундаментализма до политического экстре-

¹ См.: *Лебедева Н.М.* Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // *Этнопанорама*. 2005, № 12; Согласно данным, приводимым С.К. Лутовой, в петербургских школах уже в настоящее время в младших классах дети мигрантов составляют 50 % учащихся (*Лутова С.К.* Национальная политика в современном Санкт-Петербурге: приоритеты и проблемы. СПб.: Арт-Студия Концерт, 2006. С. 135). В целом же, по оценкам на конец 2010 г., 18 % учащихся в образовательных учреждениях Петербурга — это дети мигрантов (Метро 15 ноября 2010. С. 22).

² *Малашенко А.* Ксенофобии в постсоветском обществе. (Вместо введения) // *Нетерпимость в России: старые и новые фобии* / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М., 1999. С. 18.

мизма и терроризма очень коротка. Таким образом, речь идет о реальной и близкой опасности.

Нужно понимать, что в межэтнических конфликтах не будет победителей. Проигравшими же будут все. Поэтому сегодня одинаково опасны как попытки разрешения межэтнических конфликтов силовыми методами, так и отрицание наличия этих проблем.